

Выслушав предупреждение, демонический практик на мгновение замер. На его губах промелькнула едва заметная, горькая усмешка, но он так и не обернулся — лишь стремительно скользнул дальше, придерживаясь выбранного направления.

Шэнь Цзюньюй, следовавший за ним на мече на некотором отдалении, лишь недоуменно приподнял бровь.

«?»

Впрочем, затянувшееся молчание длилось недолго. Шэнь Цзюньюй не стал спорить с беглецом и беззвучно последовал за ним.

Вскоре демонический практик «благополучно» добрался до засады, устроенной учениками Секты Меча. Ловушка ждала его у глухого обрыва — это место было единственным выходом из тайной обители.

Заметив выпрыгивающих со всех сторон адептов Секты Меча, беглец на долю секунды опешил. Похоже, он до последнего не верил, что таинственный голос из ниоткуда действительно пытался ему помочь.

Впрочем, мгновение спустя он уже равнодушно стер бледными тонкими пальцами выступившую на губах кровавую пену. Его непроглядно-черные глаза смотрели холодно.

Окинув кольцо преследователей пренебрежительным взглядом, он бросил:

— Нападайте все вместе.

Учеников Секты Меча этот вызов мгновенно задел за живое.

Каждый, кому удалось попасть в Секту Меча, считался если не избранным гением, то уж точно лучшим среди сверстников. Как могли они стерпеть издевку от едва живого, истекающего кровью отступника?

К тому же Юань Мучжоу отдал ясный приказ: доставить беглеца живым или мертвым.

Раз брать его невредимым не требовалось, церемониться никто не собирался.

Не дожидаясь команды старшего, разгневанные адепты один за другим ринулись в атаку.

В одно мгновение воздух прорезали вспышки магических сокровищ, а потоки первозданной ци хлынули сплошным потоком, осыпая окруженного демона градом смертоносных ударов.

Наблюдавший за этим издалека Шэнь Цзюньюй слегка приподнял бровь.

На первый взгляд, засада казалась безупречной, но на деле адепты били вразнобой, без единого плана. В такой суматохе опытный боец без труда нашел бы брешь и обратил чужую силу против нападавших.

Молодые заклинатели Секты Меча оказались слишком самонадеянными.

Так оно и вышло. Беглец прекрасно понимал слабость их натиска.

Не пытаясь атаковать или защищаться в лоб, он скользил меж ослепительных росчерков чужих мечей и магических сокровищ гибкой, неуловимой рыбой.

Ученики секты рассчитывали прихлопнуть его одним махом, но раненый враг уворачивался с ловкостью вьюна.

Спесь нападавших быстро сменилась глухой яростью. А злость неизбежно ведет к ошибкам.

Этого демонический практик и ждал.

Он нанес ответный удар.

Послышались глухие стоны и гневная брань. В стусившемся хаосе заклинатели начали задевать друг друга собственными заклятиями и магическими сокровищами. Кого-то отбросило взрывной волной, кто-то повалился на землю, раненный своим же товарищем.

Битва превратилась в сумятицу.

Решив, что момент настал, беглец оттолкнулся мыском от земли, намереваясь ускользнуть из ловушки.

Но в это мгновение с небес раздался ледяной, чистый голос:

— Назад. Я сам с ним покончу.

Услышав этот приказ, адепты замерли, словно повинувшись непреложной воле.

Сверху, плавно пикируя, спустился мужчина в темном дорожном плаще, расшитом журавлями. В его руке покоился обнаженный меч — серебряный, словно покрытый слоем инея.

Юань Мучжоу явился лично.

Как только окружение расступилось, беглец оказался как на ладони.

Его зрачки сузились. На безучастном лице проступила глухая досада: он прекрасно понимал, насколько опасен молодой глава секты Меча. Отбросив колебания, под испуганные вздохи толпы он развернулся и камнем бросился в бездонную пропасть.

Юань Мучжоу даже бровью не повел. Серебряный клинок в его руке вспыхнул ослепительным сиянием, и он сделал резкий выпад.

То был не просто удар. Даже ограниченный рамками стадии Золотого Ядра, этот выпад нес в себе непостижимую, глубокую суть истинного Пути Меча.

Воздух вокруг лезвия мгновенно оцепенел, скованный лютым морозом. Серебряный луч прочертил пространство с неуловимой быстротой, оставив за собой четкий след, будто само небо пошло трещинами.

Ученики секты восторженно затаили дыхание. Каждому было ясно без слов: молодой глава секты — непревзойденный гений, рождающийся раз в тысячелетие. Против такого удара не устоять никому.

Однако их немой восторг оборвался на полуслове.

В то самое мгновение, когда меч Юань Мучжоу рассек воздух, из прилегающей чащи вырвался ослепительный золотой луч. Подобно сияющей радуге, он устремился к улетающему в бездну демону.

Этот золотой сполох опередил удар Юань Мучжоу на долю секунды, с силой обрушившись на беглеца и окончательно сбросив его на самое дно ущелья.

Все замерли в полном недоумении.

Впрочем, замешательство длилось недолго. Кое-кто быстро признал характерное свечение, и лица присутствующих вытянулись еще сильнее.

Юань Мучжоу, разумеется, узнал этот почерк первым. Его лицо сделалось бледным и жестким. Он резко вскинул голову и уставился на лесную опушку.

Под его ледяным взглядом из тени деревьев неспешно выплыл мужчина на мече. Шэнь Цзюньюй в безупречно белых одеждах держался совершенно спокойно.

Среди учеников пронесся удивленный ропот.

Шэнь Цзюньюй? Действительно он?

Все знали, что Шэнь Сыюань получил тяжелую рану, и Шэнь Цзюньюй, как старший брат, наверняка жаждал возмездия.

Но то, как именно он это сделал... Со стороны казалось, будто он намеренно перехватил добычу у молодого главы секты, оставив того ни с чем.

А если вспомнить, какими нежными именами Юань Мучжоу величал раненого Шэнь Сыюаня, ученики невольно заподозрили, что за этим кроется какая-то грязная семейная тайна.

Впрочем, пока оба соперника стояли друг против друга, никто не смел шептаться вслух. Все лишь украдкой обменивались красноречивыми взглядами.

Юань Мучжоу смерил появившегося Шэнь Цзюньюя яростным взглядом. Его губы дрогнули, готовые сорваться на обвинения.

Однако Шэнь Цзюньюй заговорил первым. Голос его звучал ровно и сухо:

— Виновник наказан. Молодому главе Юаню лучше поспешить и забрать Сыюаня для лечения.

— Его Золотое Ядро расколото, медлить нельзя.

Слова Шэнь Цзюньюя заставили толпу ахнуть.

Все понимали, что ранение Шэнь Сыюаня тяжело, но никто не думал, что дело настолько плохо. Расколотое ядро!

К тому же сухой, официальный тон, с которым Шэнь Цзюньюй обратился к жениху, давал немало пищи для толков.

Услышав последние слова, Юань Мучжоу заметно вздрогнул, а в его глазах потемнело от закипающей ярости.

Не обращая внимания на десятки устремленных на них глаз, он процедил сквозь зубы:

— И тебе после этого совсем не совестно?

Адепты переглянулись в немом потрясении.

Шэнь Цзюньюй молчал. Наконец на его лице промелькнула едва заметная холодная усмешка.

— Полагаю, молодого главу Юаня это не касается.

Ученики секты окончательно запутались.

В этот миг маска высокомерного спокойствия на лице Юань Мучжоу дала трещину. Гнев, копившийся внутри, грозил вырваться наружу и уничтожить все на своем пути.

Однако Шэнь Цзюньюй даже не шелохнулся. Он спокойно принял этот тяжелый, давящий взгляд узких глаз.

Его совесть была чиста. С чего бы ему стыдиться?

В ледяном безмолвии ущелья они молча мерили друг друга взглядами.

В конце концов Юань Мучжоу совладал с собой и не позволил ярости выплеснуться наружу.

Резко развернувшись, он взмахнул широким рукавом и стремительно взмыл в небо на своем мече.

Пусть его до глубины души возмущало равнодушие Шэнь Цзюньюя к родному брату, разум твердил: медлить нельзя, раненому Сыюаню нужна помощь.

В одном Юань Мучжоу был уверен твердо: больше он не совершит прежних ошибок и не доверится тому, кто этого не стоит.

После поспешного бегства их лидера на вершине утеса воцарилось неловкое молчание.

Заклинатели переминались с ноги на ногу, не зная, стоит ли уходить. Отношения между Шэнь Цзюньюем и молодым главой оставались загадкой, и проявлять непочтительность к старшему сыну влиятельного клана никто не решался.

Заметив их нерешительность, Шэнь Цзюньюй избавил учеников от мучений:

— Поручение вашего молодого главы выполнено. Можете возвращаться к своим делам и не

упускать возможность отыскать в этой обители что-то полезное.

Услышав это, молодые люди с облегчением поклонились и поспешно распрощались.

Шэнь Цзюньюй оставался на парящем мече, провожая их бесстрастным взглядом. Его красивое лицо казалось высеченным из белого нефрита — ни тени эмоций.

Влекшиеся жадой наживы и редких находок, adeпты вскоре скрылись из виду.

Оставшись в полном одиночестве, Шэнь Цзюньюй направил свой полет к самому краю бездны и заглянул вниз.

Пропасть дышала ядовитыми испарениями. Плотный туман скрывал дно ущелья, пугая непроглядной чернотой. Опасность таилась на каждом шагу.

Но Шэнь Цзюньюй колебался лишь мгновение. Оценив риски, он решительно направил клинок вниз, исчезая в клубах серого марева.

Спустя полчаса, преодолев удушливую пелену ядовитого тумана, его ноги коснулись твердой земли у входа в неприметную пещеру.

Шэнь Цзюньюй шел по следу — багровые капли крови на каменистых уступах указывали верный путь.

У самого входа виднелись свежие багрово-черные пятна и ошметки гнилой плоти, которые беглец, судя по всему, срезал с себя собственным лезвием.

В волокнах разлагающегося мяса копошились тонкие алые нити — верный признак действия Кровавого проклятия Шамана-Прародителя.

Вдруг из глубины пещеры донесся едва различимый шорох.

Шэнь Цзюньюй замер, прислушиваясь, а затем решительно переступил порог.

В полумраке, привалившись к стене в самом дальнем углу, лежал темный силуэт. Рядом на камнях валялся серебряный кинжал. Воздух был пропитан тяжелым, удушливым запахом свежей крови.

Шэнь Цзюньюй бесшумно подошел ближе.

Высеченная искра подожгла огниво. При тусклом свете Шэнь Цзюньюй разглядел бледное,

залитое кровью лицо.

Та часть кожи, что не была скрыта серебряной маской, уже вовсю гнила. Сквозь лопающиеся нарывы пробивались зловещие пунцовые нити проклятия, шевелящиеся под самой кожей. Жуткое зрелище.

Однако Шэнь Цзюньюй даже не вздрогнул. Он лишь слегка нахмурился и опустил на одно колено.

Стоило его пальцам коснуться холодного металла маски, как окровавленные ресницы беглеца дрогнули. Демонический практик резко распахнул глаза.

Их взгляды встретились.

Шэнь Цзюньюй не отпрянул, сохранив абсолютное спокойствие.

Взор демонического практика сфокусировался на его утонченном лице, которое до странности — едва ли не наполовину — походило на лицо искалеченного Шэнь Сыюаня.

Внимательно осмотрев гостя, раненый презрительно скривил тонкие губы и безразлично прикрыл веки.

Всем своим видом он показывал, что готов вытерпеть любую пытку, но не удостоит преследователя и словом.

Однако ожидаемой жестокости не последовало.

Чужие пальцы на удивление бережно сняли серебряную маску и отложили в сторону.

Затем прохладная узловатая ладонь мягко коснулась виска раненого заклинателя.

Веко темного практика, покрытое липкой кровью, невольно дернулось.

Но внутри него царил ледяное спокойствие, смешанное с ядовитой злобой.

«Выколи мне сегодня один глаз, — злорадно подумал он, — и клянусь, в будущем я вырву тебе оба. А после заживо сдеру кожу по тайным рецептам Девяти Преисподних — так, чтобы ты молил о смерти, но не мог умереть».

Однако Шэнь Цзюньюй поступил иначе.

Его подушечки пальцев скользнули по обожженной проклятием коже, бережно поглаживая воспаленные места.

К изумлению раненого, жгучая боль от Кровавого проклятия Шамана-Прародителя у виска начала медленно отступать.

«?»

Впервые в жизни он ощутил глухую тревогу от того, что ситуация полностью вышла из-под контроля.

Но последующие действия незнакомца изумили его еще больше.

Облегчив муки от Кровавого проклятия у виска, Шэнь Цзюньюй достал мягкий шелковый платок и принялся бережно промакивать сочащуюся из ран сукровицу.

Каждое его движение дышало заботой — ни намека на издевку или пренебрежение.

Не выдержав, демонический практик снова открыл глаза.

В его темных глазах горел холодный огонь. Он уставился на спасителя с надменным прищуром, прощупывая его взглядом.

В пещере повисла тишина.

Юноша напротив оставался безмятежным, словно гладь глубокого озера. Он негромко спросил:

— Каково это — быть демоническим практиком? Не научишь меня?

Раненый опешил.

«?»

В сырой, мрачной пещере весело затрещал разведенный костер. Брошенная в пламя целебная пилюля наполнила воздух тонким травяным ароматом, заглушив удушливую вонь разложения и крови.

Демонический практик вернул на лицо серебряную маску. От его недавнего жалкого вида не

осталось и следа.

Раны были бережно перевязаны, а вместо изодранных лохмотьев на нем теперь красовалось чистое одеяние.

Подобно хищнику, он лениво привалился к каменной стене и принялся разглядывать человека в белом, сидевшего по ту сторону костра. Тот, низко склонив голову, сосредоточенно вырезал что-то из деревянного бруска. Взгляд маски оставался цепким и нечитаемым.

Сухие ветки негромко лопались в огне. Шэнь Цзюньюй, опустив длинные ресницы, ловко управлялся с резцом. Из-под его пальцев тонкими стружками осыпалась щепа, а кусок дерева постепенно обретал очертания человеческой фигурки.

Пляшущие блики пламени мягко ложились на благородный профиль юноши, подчеркивая безупречную, словно выточенную из нефрита, красоту его лица.

Кровавое проклятие Шамана-Прародителя уходило корнями в глубокую древность. Могущественный колдун былых времен обратил собственную плоть в ядовитую скверну, а каплю первозданной крови завещал потомкам. Он наставил их: если враг окажется непобедим, нужно поразить его этой кровью, несущей страшное проклятие.

Попав в тело жертвы, ядовитая кровь начинала бесконечно размножаться, пожирая плоть изнутри, пока несчастный не испускал дух.

Единственным спасением было вырезать из особого дерева фигурку жертвы и с помощью сложного ритуала переселить туда часть души, перенаправив проклятие на неодушевленный предмет.

Однако этот способ требовал от целителя глубочайших познаний в высшей магии и законах вселенной. Пусть на словах ритуал казался простым, во всем мире едва ли нашлось бы три человека, способных провести его без единой ошибки.

Именно поэтому демонический практик с самого начала смирился со смертью и не чаял выбраться из ущелья живым.

Кто мог подумать, что судьба преподнесет ему такой подарок?

Впрочем, мотивы Шэнь Цзюньюя оставались для него загадкой.

С другой стороны, если тот потратил столько сил на спасение, значит, беглец был ему для чего-то нужен. А раз так, убивать его в ближайшее время никто не собирался.

Успокоившись, раненый принялся беззастенчиво разглядывать точеный профиль своего спасителя, скользя оценивающим взглядом по его лицу.

Наконец Шэнь Цзюньюй отложил заготовку и спокойно поднял глаза.

— У меня что-то на лице?

Встречи с этим чистым, янтарным взглядом демонический практик не ожидал. Он лишь слегка приподнял бровь под маской.

В это мимолетное мгновение в его памяти вдруг вспыхнула смутная догадка. Какая-то деталь из прошлого встала на свое место.

Над костром повисло странное, тягучее молчание.

Губы демонического практика медленно растянулись в лукавой усмешке.

Шэнь Цзюньюй мысленно нахмурился.

«?»

А беглец, закинув руки за голову и всем видом выражая понимание, протянул:

— Надо же... Старший молодой господин Шэнь, даже если ваш нареченный ушел к вашему младшему брату, не стоит так отчаиваться и опускаться до темных искусств. Поверьте, путь демона куда тернистее, чем вам кажется.

Шэнь Цзюньюй едва заметно приподнял бровь.

Приняв это молчание за знак согласия, демон убрал руки из-за головы и посерьезнел.

— Как бы то ни было, я должник перед вами. Если судьба позволит, я верну долг жизни.

Шэнь Цзюньюй посмотрел на него с легким прищуром.

— А если я потребую плату прямо сейчас?

Тот внутренне усмехнулся.

«Ну конечно. Разумеется, у всего есть своя цена».

Исходя из своего опыта, он решил, что Шэнь Цзюньюй захочет использовать его способность менять облик, чтобы внедрить шпионом в одну из великих сект.

Подобная мелочь его мало заботила, и он небрежно бросил:

— И чего же желает господин Шэнь?

— Научи меня демоническому пути.

Чернокнижник лишился дара речи.

«...»

Зал Небесной Медицины

В это же время несколько медицинских практиков, достигших стадий Формирования Божества и Очищения Пустоты, хмуро толпились у постели Шэнь Сыюаня. На их лицах читалась глубокая тревога.

В конце концов, издав тяжелый вздох, они один за другим покачали головами, глядя на стоявшего рядом Юань Мучжоу.

При виде этого жеста в глазах Юань Мучжоу медленно угасла последняя надежда, а лицо покрылось мертвенной бледностью.

Он никак не ожидал, что даже вернувшись так быстро, не сумеет спасти Золотое Ядро юноши.

Вчера на закате он, не теряя ни секунды, вынес раненого из тайной обители Инь-Ян и на пределе сил помчался в Секту Меча на мече.

Едва переступив порог, он задействовал особый жетон молодого главы секты, созывая лучших целителей со всех концов обители.

В прошлой жизни, когда раскололось Золотое Ядро Шэнь Цзюньюя, Юань Мучжоу опоздал на добрых полдня. Тогда даже древний Контракт разделенной судьбы дао-спутников не смог сотворить чуда.

Но почему теперь, когда он успел вовремя, приговор остался прежним?

Почему судьба вновь оказалась так жестока?

Юань Мучжоу перевел взгляд на ложе. Шэнь Сыюань лежал без движения, бледный как смерть, его дыхание едва теплилось. Сердце молодого главы секты сжала тупая, изнуряющая боль, смешанная с глубоким чувством вины.

Один из врачей, заметив его состояние, тихо произнес:

— Молодой глава, господин Шэнь слаб от рождения. Вы сделали все, что было в ваших силах, вашей вины здесь нет. Не терзайте себя.

Эти слова заставили Юань Мучжоу на миг застыть. В его памяти вспыхнула истина: Шэнь Сыюань с пеленок рос хилым ребенком. Разве мог он сравниться крепостью тела с одаренным старшим братом, который еще в юности подчинил себе Меч Фениксового Оперения?

Осознание этого зажгло в груди Юань Мучжоу волну жгучей обиды и разочарования в Шэнь Цзюньюе.

«Даже посторонний врач понимает это, — с горечью подумал он. — Как мог родной брат проявить такое безразличие?»

Юань Мучжоу не требовал от Шэнь Цзюньюя былого самопожертвования. Но с его нынешней силой стоило лишь протянуть руку помощи — и Сыюань не лишился бы духовного пути.

Однако из-за старых обид и размолвок старший брат предпочел хладнокровно стоять в стороне, наблюдая за агонией близкого человека. Какая поразительная, пугающая жестокость.

Как бы то ни было, Сыюань оставался его родной кровью.

<http://bllate.org/book/19607/2002773>